

]

Чу И промолчал, завязал набитый мусором пакет, надел на ведро новый и только после этого вышел из кухни. Бабушке сейчас было не до него, она сидела на диване и рассуждала по телефону:

— Иди и скандаль! Кто тебе что сделает, если ты не устроишь пару-тройку раз хорошую взбучку? Какие еще рабочие дни, не верь им! Это они только нас, простой народ, дурят... Говорю тебе, иди и скандаль! Сядь у них посреди зала прямо на пол! Посмотрим, как они отреагируют!

Чу И прошел в комнату и сел на свою кровать. Вспомнив, что вчерашний спортивный костюм так и не постиран, он потянулся за ним, но тут заметил: мелочь, которая лежала в карманах, выложили на прикроватную тумбочку.

Он замер. Даже не успев толком проверить, хватает ли денег, он первым делом сунул руку в кучку монет, перебрал их — и, поняв, что Духа монетки там нет, резко подскочил.

В доме копаться в его карманах могли только мама да бабушка.

Бабушка говорила по телефону... Даже если бы она не была занята, у него все равно не хватило бы духу спросить. Пришлось идти на кухню.

— Мам.

— Чего тебе? — нетерпеливо отозвалась мать.

— В кармане, мо-моего спортивного костюма... деньги... — пробормотал Чу И. — Там, э-э...

— Я взяла шесть юаней, пошла в маленькую лавку за соевым соусом, как раз шести не хватало, — отрезала мать, повернув голову к гостинной и повысив голос: — У твоей бабки ни копейки мелочью нет! Вот я и взяла твои.

Чу И ничего не ответил, развернулся и выбежал из кухни. Даже не сменив обувь и не сказав бабушке, куда направляется, он пулей вылетел из дома.

Он ничуть не злился, что мать берет его карманные деньги — в конце концов, она сама их ему и давала. Но эти шесть юаней были исключением. Шесть юаней: пятиюановая купюра и монета, которая просто обязана была быть той самой.

Это был не просто какой-то там грош, это был амулет, который дал ему Янь Хан!

Хотя Янь Хан и говорил, что все монетки — своего рода обереги, но эта была особенной, настоящим Духом монетки.

Чу И, не переводя дыхания, добежал до маленькой лавки и хлопнул по прилавку:

— Монетка!

— Ой, ты чего орешь! — Босс вздрогнул от неожиданности.

— Моя мама только что... соевый соус покупала! — Чу И редко тяготился своим заиканием, обычно он просто говорил меньше или медленнее, но сейчас как никогда почувствовал, насколько это выматывает. — Т-там... не было ли монетки?!

Босс с недоуменным видом перерыл коробку с мелочью:

— Наверное, была. Я как раз только что выручку пересчитывал, тут двадцатка с небольшим, и монета только одна.

— Отдайте! — крикнул Чу И и выудил из кармана бумажный юань. — Вот, возьмите!

— Ну ты даешь, так перепугался, — Босс достал монету и повертел её в руках. — Кто не знает, подумал бы, что у тебя тут золотой червонец.

Чу И выхватил монету из рук Босса, склонил голову и внимательно осмотрел. На самом деле никаких особых отметок на ней не было, но он облегченно выдохнул: хорошо, что Босс за это время успел получить только одну монету.

— Спасибо, — сказал Чу И. — Из-ви-ни-те.

— Да ладно, ничего, — ответил Босс. — Ты вон аж взмок весь, чего так убиваться-то?

Еще бы не убиваться, это же Дух монетки!

Чу И, крепко сжимая своего Духа, побрел домой. То, что на пороге его с ходу отчитала бабушка, он почти не воспринял: обычно, когда она ругалась, он просто отключался.

Спрятав монетку в пенал, он наконец почувствовал себя в безопасности. Лег на кровать и пошевелиться не хотелось.

Небо постепенно темнело.

Он немного поспал днем, а когда проснулся, было уже за три часа. Янь Хан все эти часы просидел на подоконнике, не отрывая взгляда от далекого горизонта.

Иногда, если смотреть долго, можно заметить, как небо меняет свой оттенок кадр за кадром, и даже увидеть едва уловимые «подвисания» в переходе от света к тени.

Интересно, только такие люди, как он — донельзя скучающие и донельзя встревоженные — могут часами заниматься этой бессмысленной слежкой?

Час пик миновал, люди и машины на улице постепенно растворились в ночных сумерках, и пространство перед глазами опустело.

Странно, он почему-то не увидел Чу И, когда школьники шли домой.

Он спрыгнул с подоконника и отправил парню сообщение.

— Ты не домой пошел?

— Домой. Другой дорогой.

— Ясно, думал, тебя опять где-то зажали.

Янь Хан сделал глоток воды, раздумывая, что бы приготовить на ужин, когда пришло ответное сообщение от Чу И.

— Ты сегодня бегаешь? Я приду.

— Во сколько?

— Может, в десять. Нужно закончить уроки.

— Без проблем, хоть среди ночи.

— Тогда жди меня.

— Угу.

Слово «ждать» для Янь Хана имело особый смысл.

Он всегда чего-то ждал. Ждал, когда пора будет отправляться в путь, ждал прибытия, ждал возвращения отца, ждал встречи с новой обстановкой.

Ждал, когда наконец можно будет остановиться.

Ждал, когда отец однажды сможет объяснить ему: «почему».

Обедать было некогда, и сейчас Янь Хан почувствовал голод — ужин отменять никак нельзя. Он заглянул в холодильник: сыр, сливочное масло, лук, картофель, бекон — все на месте.

Приготовит запеченный рис с беконом.

Он включил трансляцию в телефоне — привычка, ничего нового: установил аппарат, натянул маску, опустил голову и, не говоря ни слова, принялся за готовку.

В чате постоянные зрители оживились.

— Облизываюсь на эти руки!

— А красавчик сегодня не с тобой?

— Первый день без красавчика, скучаю.

— Старший брат Сяо Тянь сегодня грустный.

— Как можно заметить настроение, если лица почти не видно за маской?

— Рис остался со вчерашнего, — Янь Хан взял сковороду и бросил кусок сливочного масла. — Как только растает, кидаем всё, что хотим съесть...

— Грубо.

— Чисто по-пацански!

— А потом всё это перемешиваем-перемешиваем... — Янь Хан вывалил ингредиенты и рис в сковороду.

— Мне показалось, или ты тоже начал заикаться?

— Заразился от красавчика? 233333

Янь Хан усмехнулся:

— Когда всё перемешано, выкладываем в форму, утрамбовываем и посыпаем нарезанным сыром... Готово, в духовку на 180 градусов на 15 минут — и можно есть.

Он отключил трансляцию и отбросил телефон в сторону. Долго смотрел в одну точку, глядя на рис в миске.

Только когда дверь скрипнула, он резко обернулся, машинально схватив лежащий рядом нож.

Он не знал, почему так среагировал, но после уроков отца — осознанных или случайных — эта привычка въелась в него, как и все те смутные, едва уловимые тревоги.

— Привет, мой наследник! — донесся из гостиной голос отца. — Малыш, ты дома?

Янь Хан опустил нож и вышел из кухни:

— Готовлю ужин.

— На меня хватит? — отец отпихнул ботинки в сторону.

— Запеканка. Будешь? — Янь Хан взглянул на него и заметил, как изможден отец.

— Буду, — отец подошел ближе и долго всматривался в него. — Хан.

— М-м? — отозвался Янь Хан.

— Вдруг понял, что ты вырос.

— Ты немного припозднился, — ответил Янь Хан. — Мне кажется, я никогда и не был маленьким.

Отец рассмеялся, а через мгновение распахнул объятия и крепко прижал сына к себе:

— Мне всегда было перед тобой совестно.

Янь Хан помедлил, обнял отца в ответ и тут же рефлекторно ощупал его тело.

— Я цел, — сказал отец.

Янь Хан обнимал его, молчал, но в итоге не сдержался:

— Пап.

— М? — отец похлопал его по спине.

— Мне страшно.

— Янь Хан сказал это тихо.

Страх. Чувство, которому он до сих пор не хотел смотреть в глаза.

Очень страшно. Каждый раз, когда дома оставался только он один, каждый раз, когда приходилось покидать еще не ставшее родным место, каждый раз, когда он смотрел вперед, а там ничего, оборачивался — а там пустота.

Все его эмоции взлетали и падали только из-за появления или исчезновения отца.

Отец ни словом не обмолвился о прошлом или будущем — только о настоящем, а ему самому оставалось лишь убеждать себя, что всё остальное не нужно.

Они — пара вольных странников, отец и сын, скитающиеся по миру, живущие дерзко и свободно, не поддающиеся даже крупницам мирского влияния.

Свобода. То, чему завидовал Чу И.

На самом деле, Чу И завидовал лишь образу.

Без дома, куда можно вернуться, без цели впереди — найдется ли человек, который искренне позавидует такой свободе?

Янь Хан вернулся на кухню и сделал еще одну порцию, добавив карри — отец его любил. Засыпал сверху сыром и отправил в духовку.

Выставив температуру и время, он застыл перед стеклом духовки, погрузившись в свои мысли. Как бы то ни было, пока отец рядом, он все еще чувствует себя в безопасности. Даже если эта безопасность — лишь тонкий слой плавленого сыра на поверхности запеканки.

<http://bllate.org/book/18095/1747625>